DOI: 10.17976/jpps/2022.03.05

РОССИЯ И США НА МИРОВОЙ СЦЕНЕ. ЧАСТЬ III. РОЛЬ МЕССИАНСТВА, ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ, АМБИЦИЙ И ВЫЖИВАНИЯ В РАЗЖИГАНИИ СОПЕРНИЧЕСТВА

Т. Грэм

ГРЭМ Томас, заслуженный деятель Совета по международным отношениям, Нью-Йорк, США, email: tgraham@cfr.org

Грэм Т. 2022. Россия и США на мировой сцене. Часть III. Роль мессианства, исключительности, амбиций и выживания в разжигании соперничества. № 3. С. 50-66. https://doi.org/10.17976/2022.03.05

Статья поступила в редакцию: 11.10.2021. Принята к публикации: 11.11.2021

Аннотация. Российское мессианство и американская исключительность играли совершенно разные роли в формировании внешней политики двух великих держав. Мессианство не оказывало серьезного влияния на российских государственных деятелей, которые в своих действиях в основном руководствовались принципами реальной политики *(Realpolitik)*. Даже в советскую эпоху идеологический запал вскоре уступил место государственным интересам. Мировое господство под эгидой российского универсализма и исключительности по большей части мало заботило российских правителей; скорее они были сосредоточены на поддержании фундаментального характера российского государства и на сохранении своего места за главным столом мировой геополитики среди других великих держав. Напротив, за океаном идея американской исключительности вдохновляла как элиты, так и широкую общественность, и способствовала выработке уникального среди мировых держав подхода к международной политике. Стремление пропагандировать американские ценности личным примером положило начало энергичной кампании по распространению влияния Соединенных Штатов по всему миру на протяжении десятилетий после Второй мировой войны. Идея глобального лидерства легла в основу американской внешней политики, базировавшейся на принципах универсализма. Американский динамизм привел к обострению соперничества с Россией. Продвигаясь вглубь евразийского континента в поисках коммерческих возможностей и одновременно с этим распространяя свои демократические ценности, США в конечном счете вплотную подошли к обширному периметру безопасности России. Соединенные Штаты уже не могли свернуть поиски новых рынков или отказаться от продвижения американских ценностей, равно как и Россия была не в состоянии поступиться уникальным характером своей государственности. Таким образом, продолжительное идеологическое и геополитическое соперничество стало неизбежным.

Ключевые слова: российское мессианство, американская исключительность, Realpolitik, доктрина судьбоносного предначертания (Manifest Destiny), Московское государство, баланс сил.

В Части II мы разобрали, как под влиянием географических, климатических и геополитических факторов в сознании россиян укоренилось чувство уязвимости и незащищенности. Отсутствие серьезных физических преград, которые могли бы обеспечить защиту, наличие связанной системы рек и обширных степей, облегчавших перемещение по Русской равнине, экспансия – в форме попыток отодвинуть границы как можно дальше от центральной

части страны – представлялись самыми надежными способами обеспечить безопасность. Напротив, три перечисленных фактора заложили основу для подъема Соединенных Штатов как динамичной, уверенной в себе великой державы, твердо намеренной увеличить свое влияние на мировые дела. Россия, расширявшаяся из соображений безопасности, в конечном счете вряд ли могла избежать столкновения с американским экспансионизмом, который представлял собой способ реализации грандиозных амбиций. Однако накал соперничества зависел от иных факторов, идей и принципов, которые определяли национальную идентичность и цели, а также рамки поведения российских и американских лидеров на мировой арене.

РОССИЙСКОЕ МЕССИАНСТВО И АМЕРИКАНСКАЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ

Многие, а может быть, и большинство западных комментаторов не согласились бы с приведенной характеристикой российского экспансионизма, ссылаясь на давнюю традицию российского мессианства с его различными взглядами на предназначение России, которое заключается если не в управлении миром, то, по крайней мере, в формировании его будущего. Считается, что эта традиция лежит в основе беспрецедентной исторической экспансии России и служит опорой ее наступательной внешней политики. Резюмируя, в соответствии с таким подходом Россию представляют имманентно (а также исключительно) агрессивной, экспансионистской и империалистической державой [Ulam 1962: 39-40].

В идее мессианства – неотъемлемой черты русской мысли – нет ничего удивительного. Такая логика была широко распространена в мире на фоне того, как элиты старались давать объяснение характеру своих наций и их роли в истории. То же можно сказать и о стремлении выделить качества, возвышающие их страны над соседями, и определить особые предназначения, которые реализовывались на протяжении длинных исторических периодов. В этом отношении образованные русские, по крайней мере, начиная с конца XV в., не были исключением.

В условиях глубоко религиозной жизни Московии конца XV – начала XVI вв. возникли две мессианские идеи: “Москва – Третий Рим” и “Святая Русь”. Первая из них превозносила Московию, соединив ее судьбу с оплотом православия, а русских царей объявляла государями всех христиан и защитниками веры. Согласно нарративу русского православия, христианский мир Древнего Рима был разрушен в результате Великого (Церковного) раскола 1054 г. Мантию защитника истинного православия примерил на себя Константинополь, правда, вскоре изменив своему божественному призванию, войдя в союз с отступником Римом на Флорентийском соборе 1437-1439 гг. Последовавший в 1453 г. захват турками Константинополя рассматривался как Божья кара. В результате Московия превращалась в единственную оставшуюся православную империю. Как писал в 1511 г монах Филофей Псковский великому князю Василию III: “Первые два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать” [Billington 1966: 58]. Таким образом, Московское государство становилось завершающим этапом исторического развития [ibid.: 52-59; Ключевский 1987: 172-173].

Образ “Святой Руси”, напротив, превыше всего ставил не государство, а землю и народ, ее населявший, – именно они признавались подлинными носителями веры и источником спасения. Судя по сохранившимся летописям, этот образ был распространен в крестьянской среде, так как это определе-

ние не встречается в судебных документах московского периода. Его самые ранние письменные упоминания относятся к периоду царствования Ивана Грозного в XVI в. Более часто термин стал употребляться в XVII в. после изгнания польских интервентов из Москвы в годы Смутного времени. Однако с 1840-х годов наиболее широко это словосочетание в мессианской коннотации вошло в обиход усилиями славянофилов применительно к исконной России, чтобы противостоять тлетворному, по их мнению, влиянию навязываемой государством европеизации, которую инициировал Петр I в начале XVIII в. [Cherniavsky 1958; Greenfeld 1992: 260-274].

Стремясь противодействовать разъедающему влиянию индивидуализма, материализма и абстрактного рационализма Запада, в XIX в. славянофилы стали движущей силой российского мессианства. Они нашли утешение в "Святой Руси" – России, еще озаренной христианской верой. Наиболее ярким ее проявлением они считали крестьянскую общину. Впрочем, их идеалистическое представление об общине как добровольном объединении православных крестьян, через которое личность получила самовыражение, имело мало общего с реальностью. Историческое обоснование этой теории было лишено стройности. Выступая против крепостного права, славянофилы игнорировали тот факт, что оно возникло в России задолго до правления Петра Великого. Тем не менее они призывали отказаться от заимствования деструктивных иноземных идей и практик, ратуя за возврат к допетровской "подлинной" России; это позволило бы, по их мнению, решить многие российские проблемы. Более того, славянофилы утверждали, что такая Россия могла бы стать образцом спасения всего цивилизованного мира. Апогеем славянофильской агитации, как считает выдающийся исследователь истории России Мартин Малиа, стало "грандиозное религиозно-националистическое мессианство, в котором последняя среди цивилизованных стран (т.е. Россия. – *Прим. Т.Г.*) становилась первой, а самый униженный народ (т.е. русские. – *Прим. Т.Г.)* поднимался над всеми остальными" [Malia 1961: 289].

Фундаментальный консерватизм славянофильства проявлялся в его обращенности к допетровскому прошлому и к более чистой форме русского самодержавия. Вместе с тем именно славянофилы вскормили революционного отпрыска в лице русского народничества. Идея народничества была впервые сформулирована Александром Герценом, который, несмотря на свои радикальные воззрения, поддерживал диалог с передовыми славянофилами. Герцен пришел к первоначальному пониманию русской крестьянской общины как общины как воплощения социалистического идеала социалистического идеала равенства через свободное объединение. Община также олицетворяла полное отрицание деспотического централизованного русского самодержавия, которое Герцен презирал. При этом для Герцена община представляла собой не только будущее России, но и идеал, к которому стремилась сама Европа. Итак, подобно славянофилам, Герцен и будущие русские народники видели в русской деревне спасение не только для России, но и для Европы. Это было революционной формой националистического мессианства [ibid.: 402].

После Крымской войны исконное славянофильство уступило место идее панславизма – реакционной и империалистической форме русского мессианства. В поисках способа восстановления авторитета России в Европе после унизительного поражения, панслависты обратили взоры на славянское и православное

население Балкан, живущее под властью Османской империи. Там Россия могла бы повторить подвиг Пруссии, объединившей германские государства в могущественную империю. Это способствовало бы появлению огромного славяно-православного образования, в которое в конечном счете могли бы войти и другие населявшие Европу славянские народы, в том числе поляки и чехи. Тот факт, что последние два народа не исповедовали православие и не особенно стремились стать частью союза, в котором превалировала бы Россия, во внимание не принимался. Главной задачей было восстановление прерогатив России за границей. Действия России должны были привести к созданию славянской православной империи, которая стала бы господствовать в Европе. Эта империя пришла бы на смену слабеющей романо-германской форме господства, а также способствовала бы изгнанию тюркских язычников и приблизила бы установление вечного мира в Европе [Billington 1966: 395-397; Hosking 2001: 313-314].

В XX в. на авансцену наконец вышла мощная светская форма русского мессианизма – большевизм. Справедливости ради следует отметить, что лидеры большевиков мало любили Россию как таковую. Они ненавидели самодержавие, считая крестьянскую общину реакционной. Вместе с тем возвеличиваемый ими пролетариат представлял лишь малую часть населения России. Для большевиков их страна была базой, отправной точкой мировой социалистической революции, по мере развития которой Россия постепенно утратила бы свою значимость. Однако неспособность разжечь пламя революции на более развитом Западе – где, по марксистскому замыслу, социализм должен был восторжествовать в первую очередь – в конце концов лишила большевизм мессианства, если не на словах, то на деле. При Сталине задача уже ограничивалась построением социализма в одной отдельно взятой стране. Тем не менее, Советская Россия не могла отказаться от революционной идеологии, которая была источником ее легитимности. Из страны, призванной разжечь революцию и затем раствориться во всемирной социалистической коммуне, Россия превратилась в воплощение международного коммунизма, в защите которого коммунисты всего мира должны были видеть свой первоочередной долг.

Таким образом, более или менее привлекательные этатистские и популистские, религиозные и светские разновидности русского мессианства существовали на протяжении более 600 лет. Но формировали ли они внешнюю политику России? Исторические хроники дают для того крайне мало свидетельств.

Москва, например, могла быть Третьим Римом для православных священнослужителей. Однако великие князья вели войны и захватывали территории в основном по династическим причинам, ради “собирания земель русских” киевского удела [Ostrowski 2006: 170-177]. Это обоснование приводилось даже тогда, когда оно было заведомо ложным. Примером может служить Ливонская война, которую Иван Грозный начал в 1558 г. под предлогом, что прибалтийские территории тевтонских рыцарей когда-то находились под властью киевских князей[1]. Точно так же распространение православия не было первостепенной задачей в рамках первых имперских походов Ивана – покорения Казанского и Астраханского ханств в 1550-х годах. Скорее русский самодержец стремился устранить угрозу безопасности с юго-востока, долгое время осложнявшую жизнь Московии, и использовать коммерческие возможности, которые откры-

[1] Личное сообщение автору Пола Бушковича, 09.06.2021.

вались в результате установления контроля над всем Поволжьем. Сами татары со временем были ассимилированы Московским государством, сохранив свою религиозную принадлежность. Никто не принуждал их переходить в православие.

На протяжении всего имперского периода, начиная с Петра Великого, ничего не изменилось. В то время как образованная часть общества могла грезить о спасении мира Россией, российские правители твердо придерживались того, что позднее стало известно в рамках европейской системы баланса сил как *Realpolitik*. Великие государи XVIII в. Петр I и Екатерина II распространили влияние России на запад, потеснив ослабевших Швецию, Польшу и Османскую империю, в попытках сохранить свои позиции по отношению к набирающей силу Пруссии и все еще грозной Австрии. При этом российские высшие чины, многие из которых, как и сама Екатерина, не были этническими русскими, обсуждали преимущества различных подходов к отправлению политической власти и обеспечению безопасности российского государства и не углублялись в расплывчатые мессианские идеи [Fuller 1992: 131-133].

Ценой титанических усилий в наполеоновских войнах Россия приобрела статус державы, нацеленной на сохранение баланса сил и обуздание революции. Священный союз Александра I не имел ничего общего с насаждением православия или наделением России исключительными полномочиями в европейских делах. На самом деле Союз был всеобъемлющим по своей сути, объединяя православные, католические и протестантские силы на основе христианской этики ради защиты монархической легитимности [Rey 2012: 289-291]. Его преемник Николай I сделал еще больше для защиты монархизма, хотя он и избегал территориальной экспансии в Европе [Riasanovsky 1959: ch. V]. Единственным заметным исключением стала война с Турцией 1877-78 гг., когда массовая панславистская кампания в обществе убедила самодержца Александра II встать на защиту славян на Балканах. Русские войска достигли предместий Константинополя, к захвату которого призывали панслависты. Однако штурма не последовало, поскольку османы пошли на мировую. Большая часть завоеваний России впоследствии на Берлинском конгрессе была сведена на нет усилиями Бисмарка, который добился восстановления баланса сил в Европе. Панслависты были возмущены; Александр II неохотно уступил [Black 1962: 26-27; Dallin 1962: 316-318].

Казалось, что с наступлением советской эпохи эта схема будет сломлена: отныне Москве предстояло строить внешнюю политику на идеологическом фундаменте марксизма-ленинизма. Однако все было не так просто. Политика нового государства развивалась по двум разным направлениям. Для руководства мировой революцией в 1919 г. был создан Коминтерн, тогда как задача Народного комиссариата иностранных дел (Наркоминдела) заключалась в отстаивании интересов государства в традиционном духе *Realpolitik*. На фоне угасавшей надежды на мировую революцию при одновременном росте угрозы войны государственные интересы оказались важнее революционных идей [Ulam 1962: 46-60]. Коминтерн отошел на второй план в середине 1930-х годов и был окончательно упразднен в 1943 г. Курс *Realpolitik* же процветал, направляя советскую политику сперва на избегание войны, а затем – на развязывание войны. В остальную часть советского периода политика подчинялась государственным интересам. Идеология стала немногим более чем простой рамкой, обрамлявшей картину мира, которая преподносилась советским

людям. Ей отводилась функция управления социалистическим лагерем, она служила ритуальному оправданию действий, предпринимавшихся главным образом исходя из соображений жесткой силы. В ситуациях, когда идеологические соображения брали верх, например, в ходе советских интервенций в странах третьего мира в 1970-х годах, это приводило к краху, с наиболее трагичными последствиями в Афганистане.

Резюмируя вышеизложенное, независимо от модных веяний в среде образованной части российского общества, в том, что касалось политических вопросов, решающее слово оставалось за государственниками. Перефразируя историка Джеффри Хоскинга, на протяжении всей истории для российских правителей выживание государства и сохранение его территориальной целостности неизменно оставались главными приоритетами, перед которыми меркли национальные, религиозные, экономические и прочие соображения. Миф о государстве как основе российской идентичности обладал огромной силой: его подпитывали гордость за величину страны, ее многонациональность и военные победы [Hosking 1997: 4[2]; Yanov 1981: ch. 8]. Мессианизм в лучшем случае отвлекал внимание.

* * *

Столь малое воздействие мессианизма на российскую внешнюю политику обусловлено рядом причин. Многие из идей были неясными, некоторые – разрушительными. Но, вне всякого сомнения, одна из главных причин заключалась в том, что в авторитарной системе правителям почти нет необходимости обращать внимание на общественное мнение. Государство действовало, исходя из оценки последствий своих решений для самой власти и ее безопасности; населению же оставалось довольствоваться плодами такой политики. Подобную модель невозможно было реализовать в такой демократии, как Соединенные Штаты, где правительство подотчетно народу[3]. Таким образом, американский экспансионизм отвечал и амбициям лидеров, и чаяниям народа, которых объединял миф об американской исключительности [Carter 1997; Edwards 2012].

Есть два вида исключительности, которые, соединившись, определили идентичность молодой американской нации в 1776 г. Первый, религиозный, принесли пуританские поселенцы в XVII в. Сбежав от гонений в Старом Свете, пуритане перебрались в Северную Америку, чтобы основать “новый Иерусалим”. По словам Джона Уинтропа, лидера, прибывшего в 1630 г., была идея создать “град на холме”, который служил бы ориентиром для нового начала европейской цивилизации. Вопреки общепринятой интерпретации, этой миссией двигал не изоляционистский импульс. Несмотря на географическую удаленность, пуритане надеялись, что их отчий дом Англия будет подражать Новой Англии и тем самым возродится в качестве авангарда человечества [Restad 2012: 53-76; Kagan 2007: 7-10]. Пуританская идеология в XVII и XVIII вв. подвергалась постоянному пересмотру и в конечном счете легла в основу американского протестантизма. В целом, как утверждал видный историк американской политической мысли Бернард Бейлин, это “стимулировало

[2] Использован термин “государство” вместо “империя” у Хоскинга.

[3] Президентские выборы в США последнего десятилетия, события вокруг Капитолия в январе 2021 г., раскрепощение и размах движения BLM, масштабы преследования инакомыслящих в рамках *cancel culture*, с точки зрения редакции “Полиса”, заставляют поставить этот тезис в разряд дискуссионных. (*Прим. ред.*)

уверенность в том, что Америка занимает особое место, еще не раскрытое полностью, в архитектуре Божьего замысла" [Bailyn 2017: 32-33].

Второй тип исключительности воплощал идеи светского просветительского рационализма. Поколение, завоевавшее независимость от Великобритании, прониклось теориями естественного права и общественного договора, выдвинутыми Джоном Локком [ibid.: 26-30]. Эти идеи вдохновили авторов Декларации независимости, которая по сути представляет собой юридические тезисы, охраняющие свободу людей от дальнейших притязаний тиранического правительства. В контексте нашего исследования стоит выделить два момента. Во-первых, идеи, базировавшиеся на разуме, были универсальными в своем применении. Отцы-основатели не только закладывали фундамент своей собственной страны, но и сознательно создавали модель для всех, кто стремился к свободе. Во-вторых, они также намеренно разрывали родственные узы, связывавшие их с Великобританией. В тот день, когда была подписана Декларация, они перестали быть англичанами и приступили к формированию особой американской идентичности. Порвав с британским прошлым, они утратили возможность обращаться к британскому наследию для самоопределения. Скорее, им предстояло смотреть в будущее и реализовывать идеи, лежавшие в фундаменте их национального проекта [Restad 2012: 53-76].

Как пуританские, так и просвещенческие идеи исключительности несли в себе скрытый экспансионистский импульс. Соединенные Штаты были авангардом человечества, магнитом для него: страной, которой суждено было вести мир в будущее, государством, которое привлекало новых граждан, поскольку в его основе была заложена совокупность универсальных, рациональных идей, а не родственные связи или территории. Эти взгляды сформировали базис для динамичного увеличения населения не столько за счет естественного прироста, сколько за счет ускоренного притока иммигрантов (прежде всего из Европы) в течение XIX в. [ibidem]. Кроме того, указанные идеи заложили рамки (и обоснование) быстрой территориальной экспансии на континенте. Американские лидеры считали Америку по большей части незаселенной (индейцы не учитывались, равно как и редкие французские или испанские поселенцы). Действительно, отцы-основатели с самого начала думали о создании континентального государства. Джефферсон ратовал за создание "Империи свободы", будучи уверенным, что американская республиканская система обеспечивает модель для аккумулирования территорий, не скатываясь в деспотию, как это происходило с другими империями [Onuf 2000: 1-10; Hietala 1985: 193-208]. Со временем американцы начали предпринимать попытки расширить империю за рубеж вплоть до самых удаленных уголков Земли. Таким образом, американская экспансия с самого начала подпитывалась грандиозными амбициями, никогда не ограничиваясь одной лишь задачей обеспечения безопасности.

Одной из движущих сил было стремление изменить мир по своему образу и подобию. Но как? По мнению Генри Киссинджера, исключительность предполагала два подхода: первый состоял в том, что "Америка лучше всего проводит свои ценности в мире, совершенствуя демократию в собственной стране, тем самым действуя в качестве путеводной звезды для остального человечества", тогда как согласно второму, "эти ценности накладывают на Америку обязательство отстаивать их по всему миру" [Kissinger 1994: 18-19]. Оба подхода – эталонный и миссионерский – сосуществовали на протяжении всей

истории США, хотя в определенный момент преобладал тот или иной. В совокупности они придали уникальный характер американской внешней политике.

В течение первых 140 лет своего существования Соединенные Штаты сосредоточились на совершенствовании демократии у себя дома и создании образца для подражания во всем мире. Они избегали насаждение демократии в разных уголках мира. Как заявил Джон Куинси Адамс в 1821 г., Соединенные Штаты "не отправляются за границу в поисках монстров, которых нужно уничтожить. Они являются светочем свободы и независимости для всех. При этом они остаются поборником и защитником лишь своих собственных целей"[4]. В связи с этим Соединенные Штаты, согласно общепринятой точке зрения, проводят изоляционистскую внешнюю политику, стремясь дистанцироваться от политической борьбы европейских держав.

Это утверждение во многом справедливо, однако термин "изоляционистский" вводит в заблуждение, поскольку Соединенные Штаты участвовали в мировых делах; американцы уделяли пристальное внимание международным отношениям, особенно соотношению сил в Европе. Будучи нацией коммерсантов, США активно торговали с Европой и Восточной Азией. Вместе с тем они твердо следовали политике невмешательства. США воздерживались от манипуляции баланса сил в Европе, поскольку это потребовало бы от них вступления в сложные союзы, от чего предостерегал Джордж Вашингтон. Скорее они решительно отстаивали американский нейтралитет в любом конфликте между великими державами, чтобы и далее торговать со всеми воюющими сторонами. Как показала война 1812 г., американцы были готовы с оружием в руках защищать свое право на нейтралитет и беспрепятственную торговлю. В то же время Соединенные Штаты неоднократно использовали изменение соотношения сил в Европе для продвижения собственных интересов, в частности, для экспансии в западную часть Северной Америки. Такую линию можно назвать политикой осмотрительности, особенно в первые годы существования республики, когда у молодой нации практически отсутствовали возможности действовать с позиции силы. В те годы американцам прежде всего приходилось заниматься созданием демократических институтов для решение серьезных внутренних проблем, в том числе вопроса рабства, который в конечном счете привел страну к размежеванию.

Хотя подход Америки к Европе можно охарактеризовать как невмешательство, этот термин вряд ли применим к поведению США в Северной Америке. Для американцев экспансия на запад была не вопросом внешней политики, а скорее реализацией того, что в 1840-х годах стало известно как "судьбоносное предначертание" (*Manifest Destiny*), чтобы обосноваться на всем континенте. Как аспект американской исключительности, эта экспансия действительно позволила демократической республиканской системе США расширить свои границы по мере присоединения и огосударствления новых территорий. Благодаря покупке Томасом Джефферсоном территории Луизианы в 1803 г. Соединенные Штаты почти удвоились в размерах и в дальнейшем приобрели еще больше земли за счет аннексии Техаса Джеймсом Полком. После войны с Мексикой и в результате урегулирования спора с британцами из-за Территории Орегон в 1845-1848 гг. новые приобретения сформировали то, что

[4] John Quincy Adams. address delivered at the request of the Committee for arrangements for celebrating the anniversary of independence. 04.07.1821. https://www.libertarianism.org/essays/address-delivered-request-committee-arrangements-celebrating-anniversary-independence (accessed 13.03.2022).

сейчас принято называть Юго-Западом США. Экспансия США на континенте завершилась покупкой мексиканских земель по Договору Гадсдена в 1853 г. и приобретением Аляски у России.

Тем не менее действия США в этом процессе едва ли можно назвать образцом демократии или борьбой за правое дело. Их поступки скорее походили на поведение других великих держав. Они с пренебрежением относились к коренным индейцам и креолам, а также к исповедавшим католицизм испанцам и французам, с которыми делили континент. США не считали эти народы подходящими для демократического правления или ассимиляции в англо-американский демократический эксперимент. Индейские племена были изгнаны со своих земель, остальные стали в лучшем случае гражданами второго сорта. Однако ничто из этого не омрачило народной веры в американскую исключительность, или "судьбоносное предначертание".

То же касается и бедствия рабства. Безусловно, для южан рабство служило стимулом для расширения империи свободы, о которой говорил Джефферсон, тогда как северяне колебались, опасаясь, что такая экспансия нарушит хрупкий баланс рабовладельческих и свободных штатов в Сенате. К этому вопросу подошли со всей серьезностью, когда Миссури подал заявку на вступление в США в качестве рабовладельческого штата. Временным решением стал Миссурийский компромисс 1820 г., в соответствии с которым Миссури присоединялся как рабовладельческий штат, а Мэн – как свободный, что позволило сохранить шаткое равновесие между свободными и рабовладельческими штатами. Этот же документ запрещал рабство севернее параллели 36°30' с.ш. (с исключением для Миссури) [Kupchan 2020: 102-106]. Проблема вновь приобрела актуальность, когда Техас выразил желание присоединиться к союзу в качестве рабовладельческого штата. На этот раз такой шаг повлек за собой целый ряд событий, которые в конечном итоге привели к Гражданской войне и окончательному урегулированию вопроса в виде отмены рабства.

Как отмечалось ранее, необычайное накопление богатства и власти, сопровождавшееся растущей верой в американскую систему, и завершение формирования границ (*the closing of the frontier*) на североамериканском континенте в конце XIX в. подтолкнули Соединенные Штаты к более активному участию в мировых делах. Сторонники глобального активизма ломали голову над тем, как привести свои мечты в согласие с американской исключительностью. Необходимо было заручиться поддержкой населения, что являлось ключевой составляющей успеха любой внешней политики в условиях демократии. Две попытки решить эту задачу одна за другой быстро закончились неудачей.

Первую предпринял Теодор Рузвельт, не скрывавший своих империалистических воззрений, реалист во внешней политике, который "относился к глобальному балансу сил с такой тонкостью, какой не демонстрировал ни один другой американский президент", как однажды заметил Генри Киссинджер [Kissinger 1994: 41]. По мнению Рузвельта, Соединенные Штаты должны были демонстрировать свою мощь за рубежом и приобретать земли, как это делали имперские державы. Рузвельт и его сторонники активно поддерживали испано-американскую войну, в результате которой США установили свою власть над новыми территориями в Карибском бассейне и Тихом океане, прежде всего на Филиппинах [ibid.: 38-39]. Тем не менее команда Рузвельта понимала, что имперская экспансия за счет силовой политики, в которую они верили сами,

не получит одобрения среди простых американцев. Отдавая дань уважения американской исключительности, они преподнесли экспансию как миссию по распространению американских ценностей. Придерживаясь более интервенционистского подхода в зарубежных делах, официальные лица США между тем избегали упоминать об империи и колониях. Они проводили различие между Соединенными Штатами и другими империалистическими державами, утверждая, что США действовали не из эгоистических соображений, а скорее ради блага народов, населявших земли, отобранные у Испании [Kupchan 2020: 189, 193-197; Kagan 2007: 416]. Сам Рузвельт был непреклонен в том, что главная цель Америки – принести цивилизацию в отсталые земли [Wertheim 2009: 497-498].

Несмотря на эту уловку, имперская политика Рузвельта встретила решительный отпор. Многие американцы посчитали ее противоречащей основополагающим принципам государства. Другие опасались, что если за границей пойти на сделку в вопросах свободы, то это подорвет демократию внутри страны [Kupchan 2020: 197-200]. Как следствие, Рузвельт был вынужден умерить свои амбиции. Об аннексии дополнительных территорий не могло быть и речи. Максимум, на что он был способен, – это проводить "международные полицейские акции" в Западном полушарии для поддержания порядка и надлежащего управления. В конце концов, уже уходя с поста президента, он немало сделал для подготовки будущей независимости Филиппин, хотя когда-то предполагал, что архипелаг будет оккупирован надолго [ibid.: 206-208; Wertheim 2009: 505-509].

Менее чем десятилетие спустя новую попытку преодолеть приверженность Америки политике невмешательства и нейтралитета предпринял Вудро Вильсон. На этот раз зарубежная активность США была более тесно связана с идеей американской исключительности. Сам Вильсон свято верил в исключительность и моральную обязанность Соединенных Штатов распространить позитивные результаты американского эксперимента на другие страны, а также считал, что США должны играть более активную роль за рубежом для защиты своих интересов. Однако Вильсон, в отличие от Рузвельта, предлагал достичь этих целей не путем манипуляции баланса сил, а скорее за счет замены этой системы на новую, основанную на справедливости, демократии и международном сотрудничестве. При этом то, что проповедовал Вильсон, по словам Генри Киссинджера, представляло "не отход Америки от внешнего мира, а универсальное применение своих ценностей и со временем обязательство Америки по их распространению" [Kissinger 1994: 45; Kupchan 2020: 219-222].

В соответствии с этой логикой Вильсону удалось втянуть страну в Первую мировую войну, чтобы сделать мир "безопасным для демократии". После поражения Германии он стал главным апологетом Лиги Наций, которая должна была прийти на смену системе баланса сил. Страна была готова последовать за президентом на войну, однако она без энтузиазма восприняла его попытку пересмотреть мировой порядок и поставить Соединенные Штаты в его центр. Несмотря на неустанные усилия, стоившие ему здоровья, Вильсону не удалось убедить своих соотечественников вступить в Лигу. Страна вернулась к своей традиции невмешательства [Kupchan 2020: 244-253].

Идеи Вильсона восторжествовали спустя поколение. Во время Второй мировой войны и последовавшей за ней холодной войны Соединенные Штаты полностью отказались от своих внешнеполитических традиций нейтралитета, невмешательства и односторонних действий. США сыграли главную роль

в создании Организации Объединенных Наций и образовавшихся в ее рамках органов. Американское государство выстроило систему союзов, охвативших весь земной шар. Для сдерживания советского коммунизма США разместили на периферии коммунистического блока военные базы, не закрыв ни одну из них в постсоветскую эпоху. Америка отказалась от строгого унилатерализма в пользу многосторонности, пусть даже и провозгласив свое право руководить многосторонними коалициями, к которым она присоединилась.

Вместе с тем Соединенные Штаты остались верны своему ощущению исключительности. Они гордились, что их поведение на мировой арене отличалось от всех остальных великих держав отсутствием преследования узких национальных интересов и действиями на благо всех народов. Это благо заключалась в основном в распространении на остальной мир американских ценностей и принципов демократического самоуправления и экономического процветания, которое, по мнению американцев, естественным образом вытекает из демократии. Такая логика, в свою очередь, придавала американской позиции моралистическую и юридическую ауру, чего не хватало другим великим державам, которые бесцеремонно ставили перед собой задачу по продвижению национальных интересов. США с самого начала претендовали на лидерство, и со временем эта заявка становилась все более весомой. "Лидеры свободного мира" во время холодной войны стали после окончания холодной войны "незаменимой нацией", возвысившейся и заглядывавшей в будущее [5]. Американская исключительность и активная вовлеченность в мировые дела были приведены в соответствие с великой миссией вести мир в демократическое будущее.

ВЫЖИВАНИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

У России отсутствовали амбиции мирового господства, по крайней мере, до Октябрьской революции, хотя и после нее все обстояло далеко не так просто, как утверждают многие западные ученые. Скорее, российские правители со времен Московии и до наших дней считают своей основной задачей обеспечение выживания государства, что само по себе дело нелегкое. Крах государства в истории России происходил неоднократно. В XII в. начала распадаться Киевская Русь, а в XIII в. наследники Чингисхана прибрали к рукам большую часть разрозненных княжеств. Конец династии Рюриковичей привел к коллапсу государства в конце XVI в. и Смутному времени. Также государство дважды рушилось в XX в., во время революций 1917 г. и при распаде СССР в 1991 г.

Стоит отметить, что российское государство представляло собой уникальную конструкцию, как минимум в контексте Европы, ставшей ареной наиболее ожесточенных и продолжительных распрей с Россией. Несмотря на внешнее сходство, российское государство радикально отличается по своей сути и концепции от западных аналогов. В России государственная власть никогда не позиционировалась как эманация общества, созданная для защиты прав граждан, смягчения последствий конфликтов между ними и продвижения общественного благосостояния. Скорее она возникла как инородная сила, призванная установить порядок и управлять непокорными людьми. "Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами", – так описывает создание русского государства "Повесть временных

[5] Secretary of State Madeleine K. Albright, interview on NBC-TV "The today show" with Matt Lauer, Columbus, Ohio. 19.02.1998. https://1997-2001.state.gov/statements/1998/980219a.html (accessed 13.03.2022).

лет”[6]. Государство и общество были двумя отдельными образованиями, и в большинстве исторических периодов власть эксплуатировала население в своих целях, мало заботясь о благополучии людей.

Московское государство представляло собой высокоцентрализованную военно-политическую структуру, возглавляемую царем (великим князем) и боярскими родами, которые управляли обширной малонаселенной территорией в суровых и неумолимых климатических условиях. (И хотя названия титулов со временем менялись, российское государство вплоть до нынешнего момента сохранило это базовое олигархическое устройство с той же глубокой пропастью между правящей элитой и населением.) В XVI в. Московия, преодолев внутренние распри и увеличив свою мощь, возвысилась над остальными русскими княжествами, в некотором смысле благодаря тому, что выживать у нее получалось лучше, чем у конкурентов. В дальнейшем для Московского государства и его правопреемников выживать в первую очередь означало по-прежнему воздерживаться от политического хаоса, который мог возникнуть из-за непрекращающегося конфликта между ведущими боярскими родами (олигархами), стоявшими в центре системы [Keenan 1986: 128-136, 156-172].

Если российским правителям удавалось справиться с конкуренцией кланов, перед ними вставали две дополнительные задачи: защита государства от управляемых масс и от внешних врагов. Ошеломляющие масштабы этих задач становились очевидными после завоевания Иваном Грозным Казанского и Астраханского ханств и первых шагов в Зауралье и в Сибирь в середине XVI в. Задача состояла в том, чтобы оборонять огромную, малонаселенную, многонациональную страну (размеры и степень мультиэтничности которой со временем лишь возрастут), располагавшуюся на территории, которая не обладала серьезными естественными преградами, отделявшими бы ее от незаселенных регионов или могущественных государств. К несчастью для правителей России, внешние императивы лишь усугубляли внутренние проблемы (см. подробнее об этой дилемме в XIX в. [Fuller 1992: 94-98]).

Чтобы обезопасить себя на внешнем контуре, Россия создавала буферные зоны, поддерживала обороноспособность границ, стремилась к региональной гегемонии и разрушала коалиции враждебных государств. Однако главный способ обеспечить безопасность заключался в экспансии и создании стратегической глубины. Выделим три направления, по которым велось расширение: западное, южное и восточное (ввиду контроля над арктическим побережьем для дальнейшей экспансии на север не оставалось ни возможности, ни необходимости). Продвижение в каждом направлении было сопряжено со своими специфическими проблемами. На западе находились главные соперники России, европейские державы – сперва Швеция, Польша, а со временем Пруссия (в дальнейшем объединенная Германия) и Австрия. На юго-западе преобладала Османская империя, на южном векторе первое время доминировали воинственные племена степных кочевников, а к XIX в. нависла тень Великобритании. Восток, напротив, манил огромными возможностями: сибирские просторы были мало заселены, но при этом невероятно богаты природными ресурсами. Рынки

[6] См. выдержки из Tales of times gone by [Povest’ vremennykh let]. The Russian primary chronicles. https://pages.uoregon.edu/kimball/chronicle.htm (accessed 13.03.2022). Этот абзац содержит слегка отредактированный материал, изначально включенный в статью: Graham T.E. The sources of Russian conduct. *The National Interest*, 24.08.2016. https://nationalinterest.org/feature/the-sources-russian-conduct-17462 (accessed 13.03.2022.)

Китая тоже сулили выгодные коммерческие перспективы, по крайней мере пока Поднебесная не превратилась в источник опасности в конце XIX в., поскольку в этот момент резко активизировались Япония и европейские соперники России, спешившие не опоздать к разделу наследия династии Цин.

Экспансия по трем направлениям шла неравномерными темпами, которые зависели от степени геополитического сопротивления и препятствий, с которыми сталкивалась Россия. Однако, вопреки расхожему мнению, работа по всем векторам велась одновременно; Россия не переключалась с одного направления на другое, компенсируя развороты в одном месте продвижением в другом. Скорее российское государство представляло собой динамичное ядро Евразии, высвобождающее свою энергию по всей периферии протяженностью в тысячи миль (подробнее анализ продвижения России в 1700-1917 гг. см. [LeDonne 1997], а также [Fuller 1992: 132-139; Lieven 2000: 262-268; Black 1962: 3-38]). Экспансия была экстраординарной. России удалось совершить один из величайших геополитических прорывов в истории: из скромных размеров Московии середины XV в. за 450 лет она увеличилась более чем в 550 раз, создав крупнейшую сухопутную империю современности [Lieven 2000: 262].

Безусловно, этот путь был тернист. Так, Россия отказалась от территорий, которые приносили мало пользы или которые не могла надежно защитить (яркий пример – Аляска). В некоторые периоды, особенно во времена царствования Николая I в первой половине XIX в., дело выглядело так, что территориальные аппетиты России были удовлетворены [Fuller 1992: 220-230]. Тем не менее пауза всегда была лишь краткосрочной – Николай, воздерживаясь от захвата территорий, стремился демонстрировать свою силу Европе для защиты монархической законности и подавления распространения революционных идей и движений. Даже в то время, когда Россия была уязвима, и ей, по всей видимости, необходимо было бы обуздать свои амбиции, она оказывалась не в состоянии сделать это, как мы показали на примере продвижения России в Маньчжурию[7]. Экспансия продолжалась до тех пор, пока не привела к катастрофе в виде унизительного поражения от Японии в 1905 г.

Тем не менее в советский период страна вновь стала расширять свои владения. После распада Российской империи и Русской революции большевики в ходе гражданской войны восстановили власть России на большей части некогда имперской территории, за исключением Прибалтики, Бессарабии, Финляндии и Польши. Менее чем через два десятилетия Сталин вернул себе эти территории (кроме Финляндии и части Польши) по условиям пакта Молотова-Риббентропа с нацистской Германией. Затем, в завершающей фазе Второй мировой войны, Москва распространила свое влияние на большую часть Восточной Европы, создав тем самым крупнейшую в истории России буферную зону в Европе.

Формирование стратегической глубины принесло солидные дивиденды в войнах против Наполеона и Гитлера в XIX и XX вв. Однако за это России пришлось заплатить высокую цену в виде усугубившейся проблемы внутренней безопасности. В первую очередь, в результате реализации этой стратегии население пополнилось многочисленными нерусскими и неправославными народами – инородными элементами, которых предстояло ассимилировать.

[7] Как отмечает Уильям Фуллер в описании периода после Крымской войны, “царский режим не хотел показаться слабым на внешней арене и поэтому не желал мириться с попытками принизить международный статус и престиж России” [Fuller 1992: 462].

До середины XIX в. это не являлось непреодолимой задачей: местные элиты принимались в общественно-политическую систему на тех же условиях, которые действовали в отношении этнической русской верхушки [Lieven 2000: 249-250]. Однако подъем национализма разрушил эту идиллию, особенно в западных частях империи, населенных более продвинутыми народами, которые ориентировались на европейские тенденции. Общины, состоявшие из народов нерусского происхождения, располагались преимущественно в приграничных районах, в то время как по другую сторону границы жили, как правило, представители той же национальности. Как следствие, националистические движения среди поляков, финнов, прибалтов, румын, украинцев и различных кавказских народов на периферии представляли собой постоянную угрозу внутренней стабильности и внешней безопасности империи.

Вторую проблему создавала огромная территория империи и протяженность ее границ. Крестьянские волнения происходили регулярно. Массовые бунты под предводительством Степана Разина и Емельяна Пугачева потрясли центральную Россию и Поволжье в XVII и XVIII вв. В этой связи государству приходилось поддерживать внушительную армию как для того, чтобы оборонять (и отодвигать) границы, так и для того, чтобы размещать гарнизоны на внутренних территориях с целью противостояния крестьянским и национальным волнениям. Проблемы распределения ограниченных ресурсов между целями защиты внешних рубежей и предотвращения мятежей внутри страны не теряли актуальности. Переброска войск к границам всегда грозила обострением выступлений в тылу. Вовсе не случайно пугачевский бунт вспыхнул в ходе войны с Турцией.

Внутренние и внешние императивы, таким образом, соединились и подпитывали стойкое чувство уязвимости, которое никогда не покидало сознание российских правителей. По меткому выражению Роберта Каплана, “незащищенность – типичная русская национальная эмоция” [Kaplan 2012: 159]. Руководители страны изо всех сил старались мобилизовать ресурсы для обеспечения внутреннего порядка и защиты от внешних врагов, по мере необходимости постоянно переключая силы и внимание между внутренними и внешними угрозами в вечном поиске абсолютной безопасности.

Однако вряд ли эти устремления, даже в советский период, можно считать тождественными амбициям в вопросах мирового господства. Несмотря на постоянно испытываемую потребность в расширении границ, экспансионистские чаяния России имели свои пределы. Действительно, на протяжении столетий диалектика расширения и сопротивления, а также необходимость балансировать между обеспечением внешней и внутренней безопасности ограничивали геополитическое пространство России и пределы ее территориальных притязаний. Это распространялось на северную часть центральной Евразии, т.е. на все постсоветское пространство. По мнению российских властителей, именно в этой части мира Россия должна была оставаться доминирующей силой, чтобы гарантировать собственную безопасность и территориальную целостность. Стоит отметить, что границы этой зоны определяются не возведенными физическими преградами, а скорее проекциями власти России и ее соседей, а также политической оценкой пределов, за которыми выгоды от расширения перестанут оправдывать риски внутренней нестабильности.

Борьба за безопасность, непрестанное стремление защитить уникальный характер российского государства определили роль России в мировых делах как

ревностного защитника собственного суверенитета и, в более широком смысле, суверенитета других великих держав, если не всех стран. В мире суверенных держав политика баланса сил стала для России наиболее приоритетным подходом к международным отношениям, а союз великих держав представлялся наилучшей структурой для управления мировыми делами при условии, что Россия будет его частью с правом вето наравне с другими державами. Целью России было не доминирование ради продвижения российского бренда универсализма и исключительности, а скорее получение места за главным столом глобальной геополитики среди нескольких других великих держав.

НЕИЗБЕЖНЫЕ СОПЕРНИКИ

На пороге XX в. между Россией и Соединенными Штатами наметилось соперничество, которому суждено было обостриться в последующие десятилетия. Антагонизм был основан на различных ценностях и геополитических интересах, которые затрагивали суть национальной идентичности и целей, и поэтому примирить их было трудно, если вообще возможно.

Российские правители были преисполнены решимости сохранить фундаментальный характер суверенного самодержавного государства. Поддерживая разнообразие подходов к мировым делам, они тем самым неявно призывали к признанию авторитаризма законной формой правления. Одновременно они бросали вызов Америке с развиваемой ею мессианской идеей преобразования мира по своему демократическому подобию. Соединенные Штаты, безусловно, были способны пойти на временные союзы с авторитарными странами из прагматических соображений, но при этом всегда испытывали чувство вины. Однако чего они не могли сделать, так это смириться с постоянством авторитарных режимов. Дуга истории, с американской точки зрения, склонялась к справедливости и, следовательно, к демократии. Если бы Россия отказалась от реформ, или если бы США не смогли ее изменить, идеологическое соперничество стало бы неотвратимым.

Американский динамизм лишь обострял противостояние. В поисках коммерческих возможностей США вышли за пределы Северной Америки и продвигались вглубь Евразии, параллельно распространяя свои демократические ценности. В конечном счете они неминуемо уперлись бы в обширный периметр безопасности границ России. Со временем Большая игра, которую ранее вели Англия и Россия вдоль российских границ в Азии, получила бы продолжение в соперничестве США и России, только на этот раз она бы распространилась и на Европу. Соединенные Штаты уже не могли прекратить поиски новых рынков или отступить от уже захваченных, равно как и Россия была не в состоянии отказаться от стремления к стратегической глубине[8]. Таким образом, геополитическое соперничество также становилось неизбежным.

И все же Соединенные Штаты несут основную ответственность за начавшееся противостояние в конце XIX в., и это не моральное суждение, а историческое наблюдение. Растущая уверенность американцев в жизнеспособности своей демократической системы и присущем их стране динамизме сподвигли их бросить вызов России как по идеологическим, так и по геополитическим направлениям в период, когда Россию охватил затяжной имперский кризис и новые соперники были ей весьма некстати. Во времена, когда напряженность ограничивалась

[8] Очевидно, имеется в виду – отказаться от стратегии создания буферных зон. (*Прим. ред.*)

Северной Америкой, как это было в первое столетие американской независимости, Россия ради сохранения дружественных отношений с США была готова удовлетворить их требования в областях, которые не представляли для нее особой важности со стратегической точки зрения. Когда же споры переместились в Евразию, Россия уже не могла пойти на уступки, поскольку на карту были поставлены жизненно важные интересы ее безопасности.

Градус противостояния вряд ли был предопределен, но и сотрудничество не исключалось. Многое зависело от выбора, который предстояло сделать лидерам обеих стран. Помимо пути, по которому фактически развивались отношения в дальнейшем, допускались и обсуждались разные варианты. Однако рамки, в которых вырабатывались решения, формировались исторической памятью и традицией, и лишь понимание корней антагонизма и устойчивости обычаев могло бы ослабить соперничество в моменты, когда совпадение интересов подталкивало к сотрудничеству. Предположение, будто антагонизм стал следствием ошибочного восприятия, или будто страна окончательно порвала (или могла бы окончательно порвать) со своим прошлым, не потерпев катастрофического поражения, – это гибельный путь для политиков.

(Перевод с англ. С. Чугрова)

DOI: 10.17976/jpps/2022.03.05

RUSSIA AND THE UNITED STATES ON THE WORLD STAGE. PART III. THE ROLE OF MESSIANISM, EXCEPTIONALISM, AMBITION, AND SURVIVAL IN FORGING RIVALRY

T. Graham[1]

[1] *Council on Foreign Relations. New York, USA*

GRAHAM, Thomas, distinguished fellow at the Council on Foreign Relations, New York, email: tgraham@cfr.org

Graham, T. (2022). Russia and the United States on the world stage. Part III. The role of messianism, exceptionalism, ambition, and survival in forging rivalry. *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 50-66. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.05

Received: 11.10.2021. Accepted: 11.11.2021.

Abstract. Russian messianism and American exceptionalism played radically different roles in shaping the foreign policy of the two great powers. Messianism had little influence on Russian statesmen, who operated largely according to the principles of realpolitik. This is true even of the Soviet period, when ideological fervor quickly yielded to considerations of national interest. For the most part, Russian rulers rarely sought to dominate the world in the name of a Russian brand of universalism and exceptionalism; rather they were focused on preserving the fundamental character of the Russian state and their seat at the high table of global geopolitics among the other great powers. American exceptionalism, by contrast, infused elites and public alike, creating a unique approach to world affairs among great powers. The drive to propagate American values by example gave way to a vigorous crusade to extend their reach across the globe in the decades after the Second World War. American global leadership became a core tenet of American foreign policy, which was driven by a universalist ideology. American dynamism sharpened the rivalry with Russia. As the country pushed outwards into Eurasia in search of commercial opportunity and eventually to propagate its democratic values, it ran up against Russia's long security perimeter. Since the United States could no more abandon its search for new markets or effort to propagate American values than Russia could renounce the unique character of its statehood, enduring ideological and geopolitical rivalry was inevitable.

Keywords: Russian messianism, American exceptionalism, *Realpolitik*, Manifest Destiny, Muscovite State, balance of power.

References

Bailyn, B. (2017). The ideological origins of the American revolution. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Billington, J. (1966). The icon and the axe: an interpretative history of Russian culture. New York: Vintage Books.

Black, C. (1962). The pattern of Russian objectives. In I. Lederer (Ed.), *Russian Foreign Policy: Essays in Historical Perspective* (pp. 3-38). New Haven, CT: Yale University Press.

Carter, D. (1997). American exceptionalism: an idea that will not die. *American Studies in Scandinavia*. 29(2), 76-84.

Cherniavsky, M. (1958). 'Holy Russia': a study in the history of an idea. *The American Historical Review.* 63(3), 617-637.

Dallin, A. (1962). The use of international movements. In I. Lederer (Ed.), *Russian Foreign Policy: Essays in Historical Perspective* (pp. 311-349). New Haven, CT: Yale University Press.

Edwards, J. (2012). An exceptional debate: the championing of and challenge to American exceptionalism. *Rhetoric & Public Affairs,* 13(2), 351-367.

Fuller, Jr. W. (1992). Strategy and power in Russia 1600-1914. New York, NY: The Free Press.

Greenfeld, L. (1992). Nationalism: five roads to modernity. Cambridge, MA: Harvard University.

Hietala, T. (1985). Manifest design: American exceptionalism and empire. Ithaca, NY: Cornell University Press.

Hosking, G. (1997). Russia: people and empire 1552-1917. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Hosking, G. (2001). Russia and the Russians: a history. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Kagan, R. (2007). Dangerous nation. New York: Vintage Books.

Kaplan, R. (2012). The revenge of geography. New York: Random House.

Keenan, E. (1986). Muscovite political folkways. *Russian Review,* 45(2), 115-181.

Kissinger, H. (1994). Diplomacy. New York, NY: Simon & Schuster.

Kupchan, C. (2020). Isolationism: a history of America's efforts to shield itself from the world. Oxford: Oxford University Press.

LeDonne, J. (1997). The Russian Empire and the world, 1700-1917: the geopolitics of expansion and containment. New York, NY: Oxford University Press.

Lieven, D. (2000). Empire: the Russian Empire and its rivals. New York, NY: Yale University Press.

Malia, M. (1961). Alexander Herzen and the birth of Russian socialism. New York, NY: Gorsset & Dunlap.

Onuf, P. (2000). Jefferson's empire: the language of American nationhood. Charlottesville, VA: University Press of Virginia.

Ostrowski, D. (2006). 'Moscow the Third Rome' as historical ghost. In S. Brooks (Ed.), *Byzantium: Faith and Power (1261-1557): Perspectives on Late Byzantine Art and Culture* (pp. 170-179). New Haven: Yale University Press.

Restad, H. (2012). Old paradigms in history die hard in political science: US foreign policy and American exceptionalism. *American Political Thought,* 1(1), 53-66. https://doi.org/10.1086/664586

Rey, M.-P. (2012). Alexander I: the tsar who defeated Napoleon. DeKalb, IL: NIU Press.

Riasanovsky, N. (1959). Nicholas I and official nationality in Russia 1825-1855. Berkeley, CA: University of California Press.

Ulam, A. (1962). Nationalism, panslavism, communism. In I. Lederer (Ed.), *Russian Foreign Policy: Essays in Historical Perspective* (pp. 39-67). New Haven, CT: Yale University Press.

Wertheim, S. (2009). Reluctant liberator: Theodore Roosevelt's philosophy of self-government and preparation for Philippine independence. *Presidential Studies Quarterly,* 39(3), 494-518.

Yanov, A. (1981). The origin of autocracy: Ivan the Terrible in Russian history. Berkeley, CA: University of California Press.

Klyuchevskiy, V. (1987). Kurs russkoy istorii [The course of Russian history]. Lectures 3, 4. In V.O. Klyuchevskiy, *Works in 9 vols* (pp. 63-89). Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Литература на русском языке

Ключевский В. 1987. Курс русской истории. Лекции 3, 4. *Сочинения в девяти томах.* Т. 1. М.: Мысль. С. 63-89.